
РЕЦЕНЗИИ

УДК 904

*Н.А. Федорова**

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX В. И ЕЕ РЫЦАРИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ» ПОД РЕД. Н.Н. КАБЫТОВОЙ, П.С. КАБЫТОВА, В.В. КОНДРАШИНА (САМАРА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ», 2014. 486 С.)

В рецензии приводится анализ содержания и структуры книги, ее научной ценности. Книга отличается новизной, тщательным историографическим анализом, интересным подходом к аграрной истории XX века. Автор рецензии считает возможным и необходимым продолжить исследования в этой области, дополнив их материалом об аграрниках Татарстана и исторической научной школе Казанского университета.

Ключевые слова: аграрная история, государственная система, политика, крестьянство.

В издательстве Самарского университета в 2014 году опубликована книга «Аграрная история XX века: историография и источники» [1]. Кому и чем интересна эта книга? Попробуем разобраться...

Для начала примем два постулата. Первый – Россия на протяжении почти всей своей истории была страной аграрной, главной производительной силой было крестьянство, что наложило свой отпечаток на все аспекты политики, экономики, культуры, сформировало психотип, ментальность ее жителей. Как ни покажется странным, но даже дворянство вело преимущественно сельский образ жизни, поскольку жизнь в городах была достаточно дорогой, особенно в столицах. Отсюда напрашивается вывод о безграничном разнообразии сюжетов, проблем, событий, которые подпадают под критерий аграрной истории России.

Второй – касается выбора историком направления своих научных интересов. Выбирая область исследовательской проблематики, ты выбираешь судьбу, поскольку ты вступаешь в некую особую интеллектуальную общность, становишься ее частью. Думаю, многие со мной согласятся, что сообщество историков-аграрников достаточно закрытое и не всякого, занимающегося историей российской деревни, можно считать историком-аграрником. Это своеобразная корпорация со своими традициями, явными и скрытыми связями, определенными научными приоритетами. Ее члены весьма осторожно принимают в свою среду новичков и далеко не всякий способен здесь закрепиться, заявить о себе.

Наиболее сложным, противоречивым, ломающим все традиции и привычки стал в нашей истории XX век. Слом государственной системы, утверждение новой идеологии с

* © Н.А. Федорова, 2016

Федорова Наталья Анатольевна (nfjodogo@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

провозглашением гегемонии пролетариата и последовавшая затем форсированная индустриализация способствовали утверждению в обществе мнения о вторичности для экономики страны сельского хозяйства и отсталости крестьянства. В этой атмосфере сделать объектом своих исследований аграрную историю было дано не всякому, это требовало особого характера. Вот об этих людях и об их вкладе в разработку различных аспектов истории российской деревни последней трети XIX – XX вв. рассказывает данная книга.

Она состоит из трех разделов. Первый повествует о выдающихся историках, оставивших свой след в аграрной историографии. Его особенностью можно считать то, что авторы весьма бегло, без деталей освещают биографию ученого. Главная их задача состоит в анализе научного наследия историка, раскрытии его вклада в разработку той или иной проблемы, показе того принципиально нового, что внес ученый в историографию. Второй посвящен рассказу о зарубежных исследованиях и международных проектах по проблемам истории российской деревни. Хронологические рамки второго раздела охватывают 1990–2000-е годы, период интенсивного международного сотрудничества российских историков со своими зарубежными коллегами. Третий подводит итоги региональных разработок проблем аграрной истории Среднего Поволжья. Он почти полностью посвящен состоянию исследований аграрных проблем периода конца XIX – начала XX вв., и только последний параграф резюмирует результаты исследований реализации аграрной политики сталинизма в Мордовии. Давайте подробнее познакомимся с содержанием каждого раздела.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу, в соответствии с которым первый раздел состоит из двух глав. В первой мы знакомимся с историками, посвятившими свои труды проблемам аграрного развития пореформенной России конца XIX – начала XX вв. Большинство очерков написано профессором П.С. Кабытовым. Доминирует здесь социально-экономическая проблематика, раскрывающая особенности аграрного капитализма в нашей стране, его проявление в различных регионах (Поволжье, Урал, Сибирь).

Это очень интересная глава, которая рассказывает, по сути, о трех поколениях историков, сформировавшихся в условиях советского периода истории нашей страны. Старшее поколение представлено через призму биографий и научного наследия С.М. Дубровского, Е.И. Медведева, А.М. Анфимова, И.М. Ионенко, Н.Л. Клейн. Они были тем связующим звеном, которое сохраняло преемственность советских историков с дореволюционной российской историографией. К среднему можно отнести работу Г.А. Герасименко, В.Г. Тюкавкина, П.С. Кабытова, Н.В. Полина; условно третьим поколением можно считать П.И. Савельева, Н.Ф. Тагирова, М.И. Роднова. Что общего у этих людей, что их объединяет, кроме научных интересов? Сразу обращает на себя внимание тот факт, что за редким исключением эти люди – выходцы из сельской среды, что повлияло на их выбор научной проблематики.

Глава открывается небольшим очерком о жизни и научной деятельности С.М. Дубровского – одного из первых советских историков-аграрников [1, с. 10–13]. Как и многие свои современники, он был вовлечен в водоворот революции и классовой борьбы, что и определило политическую ортодоксальность, а также многогранность его не только научной, но и общественной, педагогической, административной деятельности. На многогранность его работы повлияли обстоятельства его жизни, репрессии середины 1930-х годов, в результате которых профессору С.М. Дубровскому пришлось поработать даже водоносом. Здесь, думаю, надо внести небольшое уточнение в текст, связанное с работой С.М. Дубровского в музее (1946–1949 гг. – в Казани, позднее в ссылке в Енисейске). П.С. Кабытов указывает, что С.М. Дубровский «был консультантом по построению экспозиции в музее, участвовал в разработке технико-экономических планов» [1, с. 12]. Исходя из специфики музейной работы речь, скорее всего, идет о тематико-экспозиционных планах (ТЭП), по которым, собственно, и строится экспозиция. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что главная заслуга С.М. Дубровского состоит в том, что он заложил основы марксистско-ленинского понимания особенностей аграрного капитализма в начале XX в.

Неблагополучно вначале складывалась судьба сына репрессированного в 1941 г. В.Г. Тюкавкина. Работа в сибирском колхозе и на лесозаготовках в годы Великой Отечественной войны, невозможность получить золотую медаль по окончании школы и многие иные жизненные сложности не сломили характер и стремление юноши учиться. В конце 1940-х гг. для детей репрессированных были открыты двери не всех вузов страны, но, как ни парадоксально, их принимали в педагогические и медицинские учебные заведения. Вот выпускником Иркутского пединститута и был лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки РФ В.Г. Тюкавкин. Его вклад в разработку вопросов о направлениях и темпах аграрно-капиталистической эволюции неоспорим. Не утрачивает значимости его вывод о том, что «тип аграрного капитализма нельзя путать с уровнем развития капитализма, так как последний зависит не только от типа эволюции, но и от конкретно-исторических условий, от того, на какой стадии находится это развитие [1, с. 27].

На марксистской методологии всю свою жизнь оставался и Е.И. Медведев, чья биография состоит из своеобразных взлетов и падений [1, с. 66–74]. Чудом избежавший отсидки в Гулаге в середине 1930-х годов, он вновь подвергается гонениям в конце 1940-х, его дважды исключали из коммунистической партии, лишали работы, запрещали преподавательскую деятельность. Тем не менее он оставил после себя более 20 монографий, был составителем 6 сборников документов, автором учебно-методических пособий, научным руководителем более 30 кандидатских диссертаций, одним из организаторов и председателем поволжской секции Научного Совета АН СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция». Анализируя его вклад в разработку аграрной проблематики, Н.Н. Кабытова (автор очерка о Е.И. Медведеве) отмечает: «...цитируя многочисленные документы, историк вольно или невольно воссоздавал повседневную жизнь крестьянства в период революционного экстрима» [1, с. 70–71]. Таким образом, в его трудах содержатся первые попытки реконструкции истории крестьянской повседневности в Поволжье.

Е.И. Медведева сменил на посту председателя поволжской секции Научного совета АН СССР И.М. Ионенко. Нельзя не согласиться с П.С. Кабытовым, часто употребляющим слово «впервые», рассказывая о научном наследии нашего с ним общего наставника. Да, И.М. Ионенко впервые поставил вопрос о «необходимости изучения низовых крестьянских организаций», обратил внимание на наличие блока казанских большевиков с левыми эсерами осенью 1917 г., впервые исследовал роль армии в подготовке и проведении революции, «ввел в научный оборот архивные дела казанского военно-окружного комитета» [1, с. 76–77] (и многие другие документы), впервые заставил задуматься о крестьянской общине в условиях советской власти. Добавлю от себя, что на одной из последних в своей жизни аграрных конференций И.М. Ионенко обратил внимание на неизученность церковного и монастырского землевладения и хозяйствования в начале XX в. До сих пор не все идеи и предложения И.М. Ионенко реализованы, и если не его непосредственные ученики, то ученики его учеников имеют шанс на их воплощение.

Тему участия солдат в революционных событиях 1917 г. развивал в своих работах Г.А. Герасименко [1, с. 46–66]. Однако если И.М. Ионенко от крестьянской проблематики пришел к изучению солдатских масс, то Г.А. Герасименко проделал обратный путь, от солдат к крестьянам. Начав с изучения политической борьбы в низовых советах в 1917 г. на Нижней Волге (в Саратовской и Астраханской губерниях), роли солдат в установлении советской власти на местах, в своей докторской диссертации он сосредоточил внимание на истории низовых крестьянских организаций. Он опирался в своих изысканиях на массовые источники, проводил фронтальное изучение архивных комплексов. Прочная источниковая база и критический подход к информационному потенциалу любой группы документов позволили Г.А. Герасименко в переходных (для многих кризисных) условиях отказа от догматического марксизма продолжать исследовательскую практику. Кропотливая работа в архивах Самарской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей подсказали ученому многие сюжеты, а переезд в Москву расши-

рил территориальные рамки исследований. На мой взгляд, особое место в научном наследии ученого принадлежит монографии о земском самоуправлении. Во-первых, в ней была показана жизнеспособность и эффективность земств. Во-вторых, само собой напрашивалось сравнение земских структур с советами. В-третьих, книга была опубликована в 1990 г., когда наша страна находилась на перепутье и обращение к опыту земств было весьма актуальным.

К представителям старшего поколения относится и корифей аграрной истории А.М. Анфимов. В параграфе, ему посвященном, на концептуальном уровне рассматривается его вклад в анализ социально-экономических проблем пореформенного крестьянского и помещичьего хозяйства [1, с. 13–18]. Здесь содержится первое упоминание о трагических для развития аграрной исторической науки событиях конца 1960-х – нач. 1970-х годов, когда научные дискуссии были прекращены административными решениями. Эти факты еще не раз в той или иной степени встретятся в тексте книги, поскольку с ними связаны судьбы не одного только А.М. Анфимова, но и многих персонажей биографических очерков монографии. Сегодняшнее поколение молодых ученых вряд ли представляет себе, с каким трудом прокладывала себе путь научная мысль, особенно в исторической сфере. В советский период история считалась наукой идеологической, призванной обосновывать правильность проводимой властью политики, и тем самым превращалась в «сферу обслуживания».

«Оттепель» конца 1950-х – начала 1960-х годов породила большие надежды на демократизацию существующего режима. Особенно активно на нее откликнулась творческая и научная интеллигенция. В среде историков развернулись многочисленные дискуссии, не выходящие, однако, за рамки марксистской идеологии. Они явились попыткой переосмыслить ленинские труды, очистив их от догматизма сталинских времен, и на их основе рассмотреть историческое развитие России. В этой атмосфере сформировалось новое направление советской исторической науки, были поставлены новые вопросы истории развития капитализма, зрелости предпосылок революций 1917 г., многоукладности, социалистического строительства и т. д. Новое направление исторической мысли возглавляли А.М. Анфимов, В.П. Данилов, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер и др.

Развития высказанные в те времена идеи не получили, политическая атмосфера в стране изменилась с приходом к власти консервативного крыла КПСС. Для историков дело осложнилось тем, что заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников тоже был историком, более того – занимался изучением вопросов аграрного развития. У ортодоксальных сторонников марксизма не хватало научных аргументов для ведения свободной дискуссии, и они применили административные действия. Власть уже не могла просто посадить историков в тюрьму или отправить в ссылку, но в типографиях рассыпались наборы книг, закрывались и расформировывались секторы и отделы в институтах, сторонников нового историографического направления увольняли с работы, переводили на другие должности, переставали публиковать, вынуждали официально признавать ошибочными свои идеи. В итоге это задержало развитие исторической мысли на 20–25 лет. Возрождение началось очень осторожно. Осмелюсь предположить, что начало этому процессу было положено в феврале 1987 г. на Всероссийской научной конференции в Казанском университете, посвященной 70-летию Октябрьской революции, с выступления К.Н. Тарновского.

Возвращаясь к рассмотрению научного наследия А.М. Анфимова, надо заметить, что оно представляет сегодня несомненный интерес, даже в тех публикациях, которые относятся к периоду «застоя». П.С. Кабытов верно отметил, что в своих монографиях 1980 и 1984 гг. издания «историк... при анализе многих проблем аграрной истории пореформенной России оставался на прежних теоретических позициях» [1, с. 18]. И это не парадокс, а проявление таких понятий как научная честь, нравственность, профессионализм.

Среди историков-аграрников третьего поколения наиболее яркой фигурой из упомянутых в монографии, на мой взгляд, является М.И. Роднов [1, с. 3–12]. Он заявил о

себе сразу; невзирая на авторитеты и общепринятые каноны, отстаивал собственное мнение. Я познакомилась с ним в 1987 г., когда он обсуждал свою кандидатскую диссертацию у нас на кафедре в Казанском университете, затем состоялась ее защита. Долгие годы мы обмениваемся своими публикациями, а иногда обмениваемся мнением по поводу новинок историографии. Мне импонирует его интерес к массовым историческим источникам, к статистике, к использованию при анализе исторических документов математического инструментария и современных информационных технологий. Благодаря его труду в научный оборот были введены материалы различных статистических обследований. В частности, им были обработаны первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 5 уездам Уфимской губернии. «В них приведены уникальные сведения по демографии, национальному составу, хозяйству и социальной структуре сельского населения. ...Впечатляет и то, что Роднов сопоставил данные переписи, проводившейся в 1912–1913 гг., с подсчетами по деревням Бирского уезда сведений переписи 1917 г.» [1, с. 107–108]. Я полностью согласна с высокой оценкой многогранной работы М.И. Роднова (историка, краеведа, демографа, пропагандиста и популяризатора отечественной истории) и с итоговым выводом П.С. Кабытова о том, что он находится «на гребне современной российской историографии» [1, с. 121].

Вряд ли можно более-менее подробно рассмотреть все параграфы первого раздела рассматриваемой монографии. Подводя итог ее первой главы, хочу отметить несколько моментов, которые остались для меня непонятными и непринятыми. Мне непонятен порядок, в котором очерки первой главы следуют друг за другом. Мне кажется, было бы разумнее положить в его основу принцип региональной принадлежности (можно было бы рассмотреть общее и особенное Казанской, Самарской, Саратовской школы историков-аграрников) или возрастную составляющую (тогда отслеживается преемственность научных школ, научных поколений). Или что-нибудь еще по усмотрению авторов и редакторов книги. Но понять, почему рассказ о Г.А. Герасименко идет до рассказа о И.М. Ионенко я не смогла.

Не могу сказать, что меня удовлетворяют наименования параграфов первой главы. Странно выглядит упоминание одного историка по имени и отчеству, а другого — просто по фамилии с инициалами. Кроме того, указание в заголовке параграфа на региональную принадлежность (например, «самарский историк...») выглядит не вполне корректно, поскольку любой ученый имеет место жительства, но круг его научных интересов этим местом не ограничивается. Остается впечатление, что названия параграфов первой главы и ее структура были второстепенными вопросами, в отличие от их содержания, как для авторов, так и для редакторов книги.

В этом плане выигрывает вторая глава первого раздела. В ней рассматриваются историографические проблемы истории советского крестьянства. В названиях параграфов у всех персоналий даны полные имена и обозначена (не всегда равно удачно) их исследовательская проблематика. Правда, В.В. Кондрашин, ведущий автор второй главы, двум своим очеркам дал практически одинаковые названия — в первой главе «Петр Серафимович Кабытов — патриарх аграрной историографии Поволжья», а во второй — «Николай Яковлевич Гушин — патриарх аграрной историографии Сибири XX века». Так что в одной книге, в одном разделе соседствуют два патриарха...

Итак, вторая глава открывается параграфом, рассказывающим о В.П. Данилове. Думаю, что все согласятся с заявленной в названии параграфа оценкой — «выдающийся исследователь аграрной истории России XX века» [1, с. 163]. Автор этого очерка В.В. Кондрашин не претендует на всеобъемлющую характеристику того вклада, который внес В.П. Данилов в разработку проблем отечественной исторической науки, и верно указывает, что это предстоит еще сделать не одному поколению российских и зарубежных исследователей. Но вот что интересно, публикации любого ученого в любой области знания со временем устаревают, научная мысль движется вперед, и только единицы на протяжении долгого времени остаются востребованными. Такое происходит с трудами В.П. Данилова, которые по прошествии лет не утрачивают своей актуальности, а в чем-то ее только приобретают, раскрываясь новыми гранями.

Человек сложной судьбы, В.П. Данилов не любил рассказывать о себе, имел ограниченный круг лиц, с которыми поддерживал неформальные отношения, был довольно замкнутым человеком. Но когда я в 1987 г. привезла в Москву свою диссертацию (он был моим оппонентом по кандидатской диссертации) и позвонила ему с вокзала, то первым вопросом к незнакомому ему лично человеку был вопрос «Вам есть, где переночевать?». Это говорит о многом и характеризует личные качества лучше, чем какие-либо официальные документы. Познакомились мы только накануне моей защиты. Я встретила своего оппонента на вокзале, и первое, что он мне сказал, было для меня шоком. Он мне сообщил, что не привез с собой отзыв на мою работу. Видимо, я поблуднела, а он улыбнулся и утешил — «Но главное, что я приехал, а текст я сейчас напишу в гостинице». Замечаний по моей работе у него было всего два, причем первое было связано с досадной ошибкой по невнимательности с моей стороны, а над вторым надо было думать годами и проводить новое исследование.

В.В. Кондрашин в данном очерке останавливается не только на анализе работ В.П. Данилова, но и рассказывает о том, как научные идеи пробивали себе дорогу в атмосфере советской идеологии. Он пишет о лидерстве В.П. Данилова в дискуссиях 1960-х гг. о многоукладной экономике, о кооперации, коллективизации и ее предпосылках, о личной роли И.В. Сталина в событиях 1920–1930-х годов в советской деревне. В.В. Кондрашин довольно мягко повествует о тех гонениях, которым подвергся В.П. Данилов за свою принципиальную позицию историка, которая может и должна служить примером всем, вставшим на тернистый путь науки [1, с. 166–167].

Хочу отметить еще два положения, высказанные В.В. Кондрашиным и показавшиеся мне принципиально важными. Первое — зная по собственному опыту, что свобода научной мысли в нашей стране может оказаться весьма кратковременной и допуск к архивным фондам могут в любой момент ограничить, В.П. Данилов в новых политических условиях России сосредоточил свое внимание на публикации документов. Кроме того, он привлек к этой работе зарубежных коллег. Думаю, что сделано это было не только из-за экономических трудностей, как отмечает автор [1, с. 175], но и для того, чтобы закрыть проект каким-нибудь административным решением было труднее. Так мы и наши потомки получили комплекс документальных материалов, раскрывающих трагедию советской деревни и проливающих свет на многие вопросы истории России XX в. [2–4]. Более подробно об истории реализации этих международных проектах В.В. Кондрашин останавливается во втором разделе книги.

Второе, на что хочу обратить внимание, — это позиция В.П. Данилова по отношению к политике, проводимой в России в постсоветские годы. Автор считает, что ученый остался «убежденным коммунистом-”шестидесятником”» [1, с. 171]. Думаю, что не все так просто и не в наивной вере в победу социализма коренилось неприятие В.П. Даниловым многих мероприятий современных реформаторов. Как ученый-аграрник он видел глубже и просчитывал многие последствия этих преобразований, указывая, что для «эффективного сельского хозяйства важна не форма собственности, а форма организации производства, оптимальная для конкретного региона». Уверена, что всесторонний анализ творческого наследия В.П. Данилова еще впереди.

Двум знаменитым исследователям истории коллективизации посвящены следующие параграфы второй главы — Н.А. Ивницкому и И.Е. Зеленину. В.В. Кондрашин смог не только показать динамику их взглядов, но и определить то принципиально новое, что каждый из них внес в изучение проблемы. Он рассказал и о некоторых фактах научной биографии ученых, показав широту их научных интересов и представив их не только в качестве академических исследователей, но и архивистов, редакторов, общественных деятелей, организаторов науки. В очерках присутствуют сюжеты, перекликающиеся с очерком о В.П. Данилове, поскольку эта когорта историков-аграрников не только работала в одном институте АН СССР (позднее РАН), но и была союзом единомышленников, участвовала в одних и тех же проектах.

Далее во второй главе следуют очерки о региональных историках. Сибирь представлена рассказами о жизненном и научном пути Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных; Уральский регион явился объектом работ Г.Е. Корнилова, Центральное Черноземье — С.А. Есикова, а Поволжье — В.В. Кондрашина, О.А. Суховой, А.А. Тарховой, В.Е. Маляева и историков Мордовии — В.А. Юрченкова, Т.В. Надькина, В.К. Абрамова. Каждый из них по-своему интересен. Заслуга авторов состоит в том, что они смогли показать самобытность и новаторский характер как трудов корифеев аграрной исторической науки, так и ярко заявивших о себе исследователей более молодого поколения.

Сибирские историки представлены двумя поколениями. Труды Н.Я. Гущина заложены принципы региональной историографии, он по праву считается основателем новосибирской школы историков-аграрников. Доминантной темой его научной работы было раскулачивание сибирского крестьянства. Ему он посвятил значительное место в докторской диссертации, на основе которой подготовил монографию, снятую с издания в 1969 г., в переработанном виде в качестве курса лекций книга была издана в 1972 г. ограниченным тиражом, к этой же теме он вернулся и в 1990-е годы. Идеологический прессинг советских времен оказался полезен настоящему ученому. Для доказательства своей правоты он обратился к массовым историческим источникам, статистическому материалу и вопросам исторической демографии. Он одним из первых показал человеческую трагедию крестьянства, последствия которой сказывались практически на всех социально-экономических, демографических, культурных показателях долгие годы. Я бы отнесла Н.Я. Гущина не просто к историкам-аграрникам, а к крестьяноведам.

Учеником и последователем Н.Я. Гущина является В.А. Ильиных. Его работы поражают широтой проблематики, широтой охвата хронологических границ. Он в равной степени профессионально пишет об экономике крестьянского хозяйства в условиях НЭПа и о состоянии советских совхозов в 1960–1980-е годы, характеризует трансформации аграрного строя Сибири и кризисы сельского хозяйства в XX в. В.В. Кондрашин обращает особое внимание на теоретические построения данного автора, тем более что они прошли апробацию на конкретно-историческом материале аграрного строя Сибири [1, с. 234–236]. В.А. Ильиных вводит в научный оборот понятие «социалистического раскрестьянивания», которое он делит на этапы и завершает 1970-ми годами, «когда коренным образом меняется социокультурный тип сельского жителя» [1, с. 238]. Идея кажется очень интересной и привлекательной для исследования на материалах других регионов. Было бы полезно на современном социологическом материале определить, насколько глубоко изменения в социокультурной типологии сельского населения.

Нельзя обойти молчанием очерк, анализирующий научную работу С.А. Есикова, и нельзя не поддержать автора очерка В.В. Кондрашина, назвавшего его наиболее яркой и неординарной личностью современной аграрной историографии [1, с. 218]. С горечью приходится констатировать безвременную кончину С.А. Есикова в августе 2015 г. Происходя из семьи служащих, он всю свою творческую жизнь связал с крестьянством, поддержал и развил лучшие идеи отечественного и мирового крестьяноведения. Свои концептуальные положения и исследовательские выводы он умел излагать коротко, ясно, а подчас и в занимательной форме. Были у него и организаторские способности. Помнится, на одной из конференций историков-аграрников он так оптимизировал работу секции, что мы смогли заслушать более 30 докладов и сообщений за одно заседание. Своим примером он доказал, что «изучать историю России можно и на региональном материале, если использовать его не как иллюстрацию... а как информацию, отражающую суть того или иного исторического феномена общероссийского значения, но со своими региональными особенностями» [1, с. 219]. Не ограничивая свои исследования жестко определенными хронологическими рамками, С.А. Есиков рассмотрел социальный институт поземельной общины и ее роль в условиях реформ и революций вплоть до коллективизации. Он оставил свой вклад в деле выявления, публикации и изучения документов «Антоновщины», участвовал в полемике по поводу альтернатив сталинской

коллективизации, пришел к выводу о ее неизбежности в России. Думается, что этот исследователь многое еще мог бы сделать для изучения проблем аграрной истории нашей страны.

В.П. Данилов однажды в своем выступлении заметил, что тема коллективизации актуализируется в переломные моменты в жизни нашей страны. Она продолжает и сегодня привлекать историков. Среди них – Л.Г. Филатов и Т.Д. Надькин. Небольшие очерки о них написаны В.А. Юрченковым. Параграф, в котором анализируется научное наследие Л.Г. Филатова, интересен не только оценкой автора, но и рассказом о научной полемике, которая развернулась в региональной историографии в связи с публикацией в журнале «История СССР» в 1968 г. статьи Л.Г. Филатова об особенностях коллективизации в Мордовии. Как пишет В.А. Юрченков, она отразила на местном уровне возникающие противоречия между официальной точкой зрения и научными поисками, была своеобразным отражением общероссийской ситуации в исторической науке [1, с. 280].

В очерке о Т.Д. Надькине даны краткая хронология основных вех биографии исследователя и довольно подробный анализ результатов его научных изысканий. На материалах Мордовии Т.Д. Надькин рассматривает глобальную проблему взаимоотношений крестьянства и власти. Для любой власти крестьянство является неудобной социальной группой, поскольку не нуждается в ней, опирается на самоуправление, самостоятельно решает производственные проблемы. Вполне логичным представляется вывод о том, «что модель взаимоотношений власти с крестьянством в виде «господства и подчинения» не устраивала значительную часть последнего, что поставило деревню в 1930–1931 гг. на грань гражданской войны» [1, с. 273].

Несколько особняком стоят в конце главы параграфы, посвященные не столько концептуальным положениям истории советской деревни, сколько ее художественному осмыслению. Более, чем научными трудами, своими литературными произведениями известен В.Е. Малязов. Его деревенская проза – это крик души человека, понимающего как ученый, что вместе с обезлюживанием деревни уходит «огромный мир, связанный с вековыми традициями народной культуры, подлинной духовности, на которых веками стояло государство Российское» [1, с. 297]. А.А. Тархова является работником культуры, руководителем фольклорного ансамбля «Реченька», ведет на Пензенском телевидении музыкальную передачу и тем самым не только изучает или пропагандирует народную культуру, но и выступает ее частью. Высокая оценка ее монографии о культуре русской деревни дана В.В. Кондрашиным.

Перечислять все параграфы и рассказывать о всех персоналиях рассматриваемой книги невозможно. Я сознательно не касаюсь параграфов, написанных авторским коллективом друг о друге. Это три лидера современной аграрной историографии, о которых специалисты все знают и без моих комментариев.

Второй раздел монографии целиком написан В.В. Кондрашиным. Он рассказывает об участии российских историков в международных проектах. Специалисты хорошо знают результаты этой деятельности, пользуясь многотомными публикациями документов по истории сельского хозяйства и крестьянства России [2–4]. Эта часть монографии примечательна прежде всего тем фактом, что история возникновения и реализации этих программ написана одним из непосредственных участников работы. Автор даже был вынужден писать о себе в третьем лице.

Для меня более интересным оказался параграф с рассказом о японской историографии и участии японских исследователей в создании истории российского крестьянства в XX в. В отечественной историографии пока не укоренилась традиция ссылаться при анализе зарубежной историографии на японских ученых. И дело здесь не только в незнании японского языка. Значительное число работ японских историков опубликовано на английском языке, а часть даже переведена на русский.

Особое внимание в силу политической актуальности имеет параграф, в котором В.В. Кондрашин рассказывает о полемике с украинскими коллегами по вопросу о

голоде и истории голодомора в 1932–1933 гг. Будучи ведущим специалистом по проблеме, автор отлично знаком с документальной основой как российских, так и украинских исследований. Полемика носит более политико-идеологический, чем научный характер. В нее включены не только ученые России или Украины, но и США, Австралии, Канады. Приятно отметить сдержанный спокойный тон, толерантность, уважение к мнению оппонентов, проявленные В.В. Кондрашиным в данном параграфе.

Думаю, что знакомство с данным разделом монографии будет особенно полезно для студентов и аспирантов, для исследователей, делающих первые шаги в профессиональной исторической науке.

Третий раздел рассматривает историографию аграрной истории России с точки зрения научной проблематики. Его авторы знакомят читателя не с историками, внесшими заметный вклад в разработку разных вопросов (ни один из них не замыкался на одной теме в своей многогранной работе), а с современным состоянием изучения наиболее актуальных проблем аграрной истории. Подводить итоги – самая сложная задача, поскольку наука постоянно движется вперед, меняя приоритеты. Любое подведение итогов имеет смысл, только когда в выводах определяются перспективы дальнейших исследований. Решение именно этой задачи в полной мере удалось авторам третьего раздела.

Среди выделенных проблем отмечены такие, как социально-экономические вопросы дворянского хозяйства (3 параграфа), сельская поземельная община (3 параграфа) и коллективизация. Это не новые темы, общинную проблематику вообще можно считать вечной темой нашей историографии. Тем больший интерес представляет знакомство с современным состоянием их разработки на региональном уровне. Отрадно заметить, что авторы не ограничиваются констатацией наиболее крупных публикаций авторитетных авторов. Так, Е.П. Баринава не обошла вниманием даже материалы студенческой конференции [1, с. 411].

Выделяется в третьем разделе параграф, освещающий общественно-политические функции общины в 1917 г. Это единственный в монографии конкретно-исторический текст, созданный на документальном материале архивов. Он замечателен своим обращением к первоисточникам и демонстрацией результатов работы с ними. Н.Н. Кабытова в очень небольшом объеме смогла раскрыть процесс политизации крестьянских общественных объединений. «Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире» [1, с. 444–448].

Подводя общий итог анализу монографии, хочу высказать благодарность ее авторам за проведенный тщательный историографический анализ, за корректное, уважительное отношение к своим предшественникам и коллегам. Все сюжеты книги написаны с позиций объективизма и правды истории. Эта книга имеет не только познавательное значение, но и воспитательное. Она должна быть рекомендована студентам, магистрантам и аспирантам всех направлений исторической подготовки во всех вузах Поволжско-Уральского региона. Полезно было бы ее почитать и столичным молодым исследователям. На примере работы историков-аграрников старших поколений, на опыте истории формирования тех или иных концептуальных положений надо учиться не терять нравственные ориентиры. И это важно не только для сохранения личности, но и для подлинного развития науки в современных рыночных условиях.

На мой взгляд, книге не повредил бы материал об аграрниках Татарстана, об исторической научной школе Казанского университета. Хочу выразить надежду, что это будет сделано в следующей монографии, которая обязательно должна быть написана. Проблемы аграрной истории России XX века не закрыты...

Библиографический список

1. Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 486 с.

2. Крестьянская революция в России. М., 1994–2006.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: в 4 т. М., 2000–2005.
4. Трагедия советской деревни: в 5 т. М., 1999–2006.

References

1. Agrarnaia istoriia XX veka: istoriografiia i istochniki: monografiia / pod red. N.N. Kabytvoi, P.S. Kabytova, V.V. Kondrashina [Agrarian history of the XX century: historiography and sources: monograph]. N.N. Kabytova, P.S. Kabytov, V.V. Kondrashin (Eds.). Samara: izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 486 p. [in Russian]
2. Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii [Peasant revolution in Russia]. М., 1994–2006 [in Russian].
3. Sovetskaia derevnia glazami VChK-OGPU-NKVD. V 4 tomakh [Soviet village through the eyes of All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution, Sabotage and Speculation – Joint State Political Directorate – People's Commissariat of Internal Affairs. In 4 Vols.]. М., 2000–2005 [in Russian].
4. Tragediia sovetskoi derevni. V 5-ti tomakh [Tragedy of Soviet village. In 5 Vols.]. М., 1999–2006 [in Russian].

*N.A. Fedorova**

AGRARIAN HISTORY OF RUSSIA IN THE XX CENTURY AND ITS KNIGHTS

REVIEW ON THE MONOGRAPH «AGRARIAN HISTORY OF THE XX CENTURY: HISTORIOGRAPHY AND SOURCES» UNDER THE EDITORSHIP OF N.N. KABYTOVA, P.S. KABYTOV, V.V. KONDRASHIN. (SAMARA: IZDATEL'STVO «SAMARSKII UNIVERSITET», 2014. 846 P.)

In the review the analysis of the contents and the structure of the book, its scientific value is given. The book is characterized by novelty, detailed historiographic analysis, interesting approach to the agrarian history of the XX century. The author considers it possible and necessary to continue researches in the given area adding it with the material about agrarians of the Tatarstan and historical scientific school of Kazan University.

Key words: agrarian history, state system, policy, peasantry

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Fedorova Natalia Anatolievna* (nfjodoro@yandex.ru), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation.